

# Вуди Аллен



## НУЛЕВАЯ ГРАВИТАЦИЯ

**СБОРНИК САТИРИЧЕСКИХ  
РАССКАЗОВ**

Режиссёрский дневник

Вуди Аллен

**Нулевая гравитация. Сборник  
сатирических рассказов**

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Сое)-44

**Аллен В.**

Нулевая гравитация. Сборник сатирических рассказов /  
В. Аллен — «Эксмо», 2022 — (Режиссёрский дневник)

ISBN 978-5-04-185876-6

Вуди Аллен – знаковая фигура в мире кино. Он известен своим уникальным стилем повествования, тонким чувством языка и неповторимым чувством юмора. Его фильмы давно стали культовыми и разлетелись на цитаты. Но режиссер не ограничивается только кинематографом, он также непревзойденный мастер слова! Регулярно его статьи, рассказы и эссе публикуются на страницах самых авторитетных изданий мира. «Нулевая гравитация» – сборник пронзительных и одновременно уморительных рассказов. Они словно крошечные детали в огромном и замысловатом пазле по имени «Вуди Аллен». Через его прозу можно по-новому взглянуть на его фильмы, увидеть новые грани его незаурядного таланта.

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-185876-6

© Аллен В., 2022

© Эксмо, 2022

## Содержание

Примечания	8
Ты не можешь снова попасть домой – и вот почему	10
Коровье бешенство	16
Парк-авеню, верхний этаж, необходимо продать – или спрыгнуть	20
Крылышки баффало, не хотите ли выйти вечером?	25
Настоящее воплощение божества, пожалуйста, встаньте	29
Нос к носу с Рембрандтом	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

# Вуди Аллен

## Нулевая гравитация. Сборник сатирических рассказов

*Мэнзи и Беше, двум нашим любимым дочерям, которые выросли на глазах и использовали кредитные карты у нас за спиной.*

*И, конечно же, Сун-И – если бы Брэм Стокер был с тобой знаком, он написал бы сиквел.*

Woody Allen  
ZERO GRAVITY

Copyright © 2022 by Woody Allen

© Е. Власова, перевод на русский язык, 2022

© ООО «Издательство «Эксмо», 2023



*Мэнзи и Беше, двум нашим любимым дочерям, которые выросли на глазах и использовали кредитные карты у нас за спиной.*



*И, конечно же, Сун-И – если бы Брэм Стокер был с тобой знаком, он написал бы сиквел.*

## Примечания

*Следующие рассказы впервые появились в The New Yorker:*

*«Коровье бешенство» (18 января 2010 года).*

*«Настоящее воплощение божества, пожалуйста, встаньте» (10 мая 2010 года).*

*«Легенды Манхэттена» (30 марта 2009 года).*

*«Так, где я оставил этот кислородный баллон?» (5 августа 2013 года; версия, напечатанная здесь, была исправлена автором).*

*«Ни одно живое существо не пошевелилось» (28 мая 2012 года).*

*«Подумай хорошенько, это вернется к тебе» (10 ноября 2008 года).*

*«Деньги могут купить счастье – если бы» (24 января 2011 года).*

*«Над, вокруг и насквозь, Ваше Высочество» (26 мая 2008 года).*



## Ты не можешь снова попасть домой – и вот почему



*Каждый, кто хоть раз бросал горящую спичку в отсек с боеприпасами, подтвердит: даже самое маленькое движение может наделать много шума.*

На самом деле водоворот катастрофических масштабов образовался в моей жизни всего пару недель назад и был вызван такой мелочью, как короткое любовное послание под дверью нашего дома. Роковая бумажка объявила о том, что Голливудская студия, снимающая фильм на Манхэттене, решила, что фасад нашего дома идеален для той пластмассовой бабкиной сказки, которую они делают, и, если интерьер окажется подходящим, они хотели бы использовать его как локацию для съемок. На тот момент я был очень занят несколькими сделками, проходившими на Уолл-стрит, которые должны были в значительной мере повлиять на мое обладание «золотом дураков»<sup>1</sup>, поэтому я отнесся к данному сообщению как к листовкам с меню китайской кухни и выбросил эти каракули в мусорное ведро. Вся эта ситуация была слишком тривиальной для того, чтобы добиться хотя бы вспышки нейронов, борющихся за мою память, до того момента, когда несколькими днями позже мы с моей женой соскребали уголь с ужина, кремированного до неузнаваемости нашим поваром.

– Я забыла упомянуть, – сказала рожденная в Дублине пироманка, оттирая сажу со скалтерти. – Сегодня, пока вы были у этого типа, который вас облапошивает, заходили люди из киностудии.

– Кто? – рассеянно спросил я.

– Они сказали, что отправили вам уведомление. Заходили посмотреть на дом. Им понравилось все, кроме вашей фотографии с Альбертом Эйнштейном, которая выбивается из общего интерьера.

– Ты впустила незнакомых людей в дом? – возмущенно спросил я. – Без моего разрешения? Что, если бы это были воры или серийный убийца?

– Шутите? В таком пастельном кашемире? – парировала она. – Кроме того, я узнала режиссера по шоу Чарли Роуза<sup>2</sup>. Это был Хэл Роучпейст, новейший вундеркинд Голливуда.

– Как по мне, звучит потрясающе, – включилась в разговор моя жена. – Представь, наши хоромы будут увековечены в мегахите, получившем «Оскар». Они сказали, кто в нем снимается?

– Брэд Панч и Амброзия Вилбейс, – пропищала впечатленная кухарка.

– Извините, мои маленькие трюфельки, – категорично сказал я. – Я не позволю, чтобы здесь проходили подобные сборища. Вы обе выжили из ума? Не хватало еще, чтобы кучка мартышек расположилась в нашем бесценном Тебризе<sup>3</sup>. Это наш храм, наше святилище, наполненное сияющими драгоценностями, отобранными на лучших аукционах Европы: наши вазы из китайского фарфора, мои первые издания, делфтский фаянс, изделия времен Луи Сейза, безделушки и побрякушки, собранные за всю жизнь коллекционирования. Не говоря уже о

<sup>1</sup> «Золото дураков» – метафорическое название пирита, металла, внешне похожего на золото. – Прим. науч. ред.

<sup>2</sup> «Шоу Чарли Роуза» – американское авторское ток-шоу, интервью со знаменитостями. – Прим. науч. ред.

<sup>3</sup> Тебриз – древний город, столица иранского региона Восточный Азербайджан. – Прим. науч. ред.

том, что мне нужна атмосфера полного спокойствия для завершения монографии о раках-отшельниках.

– Но Брэд Панч, – изнывала женщина. – Он так божественно играл Листа в «Осеннем героине».

В момент, когда я поднимал ладонь для того, чтобы прервать дальнейшие уговоры, зазвонил телефон, и голос, отлично подходящий для впаривания ножей из нержавеющей стали, рявкнул мне в ухо: «А! Рад, что вы дома. Это Мюррей Инчейп. Я линейный продюсер в Row, Mutant, Row. У вас, ребята, наверняка есть ангел-хранитель, потому что вы сорвали джекпот. Хэл Роучпейст решил, что он хочет использовать ваш дом.

– Я знаю, – прервал я его. – Чтобы снять сцену. Как вы узнали мой личный номер?

– Расслабься, отец, – продолжил аденоидный голос. – Я сегодня слегка пролистал бумаги в твоём ящике, когда мы разведывали обстановку. И, между прочим, это не просто сцена, это та самая сцена. Ключевой момент, после которого меняется весь сюжет.

– Прошу прощения, мистер Инчворм<sup>4</sup>...

– Инчкейп, но не берите в голову. Все неправильно произносят мою фамилию. Я воспринимаю это с улыбкой.

– Я знаю, что съёмочные группы делают с домами, в которые они вторгаются, – твердо сказал я.

– Многие из них варвары, это правда, – согласился Инчейп. – Но с нами... Мы ходим на цыпочках, как монахи-трапписты<sup>5</sup>. Если бы мы не сказали, что снимаем в вашем доме, вы бы даже и не догадались. И я предлагаю вам пустить нас не по доброте душевной. Я понимаю, что это будет стоить мне горстку монет.

– Бесплезно, – настаивал я. – Никакие богатства не способны открыть вам двери в обитель этого парня. Спасибо, что подумали о нас, и аривидерчи.

– Повиси минутку, старик, – сказал Инкейп, прикрывая рукой микрофон, пока я слушал сдавленные голоса, которые ругались о чем-то похожем на план похищения Бобби Фрэнка.

Я уже собирался выключить телефон из розетки, когда он снова вернулся к разговору.

– Послушайте, я только что посоветовался с Хэлом Роучпейстом, который как раз рядом со мной, и он подумал, что, возможно, вы захотите быть в фильме. Не могу обещать вам главную роль, но точно что-то веселое и содержательное – оставите свой след на экране для потомков. Возможно, есть кое-что и для миссис тоже, но после небольшой чистки лица, если это она на фото на вашем пианино.

– Сыграть в кино? – глотнул я и испытал разряд в сердце, который обычно используют медики для воскрешения мертвецов. – Моя жена до ужаса стеснительная, но я, по правде говоря, немного играл в колледже и местном театре. Я исполнял на коньках роль Парсона Мэн-дерса в «Ибсене на льду», и все до сих пор обсуждают мою игру в «Унижении паче гордости»<sup>6</sup>. Меня выбрали на роль Тони Лампкина с нервными тиками, от которых люди в Юме сходили с ума от смеха. Конечно, я понимаю, что есть разница между игрой на сцене и игрой в фильме, необходимо регулировать ширину формата с помощью линз, так сказать.

– Конечно, конечно, – сказал линейный продюсер. – Роучпейст в вас верит.

– Но он никогда не видел меня, – возразил я, чувствуя легкие нотки торговли.

– Роучпейст работает, повинуюсь инстинктам. Именно поэтому его называют Джоном Кассаветисом<sup>7</sup> нашего поколения. Ему понравилось то, что он увидел, когда осматривал ваш

---

<sup>4</sup> Inchworm – с англ. «гусеничный червь». – Прим. ред.

<sup>5</sup> Трапписты – католический монашеский орден, в котором строго соблюдается обет молчания. – Прим. науч. ред.

<sup>6</sup> «Унижение паче гордости», или «Ночь ошибок», – комедийная пьеса английского писателя О. Голдсмита, вышедшая в XVIII веке. – Прим. науч. ред.

<sup>7</sup> Джон Кассаветис – культовый американский режиссер и актер, значимая фигура для формирования независимого кино. – Прим. науч. ред.

шкаф с одеждой. Тот, у кого такой талант к выбору нарядов, идеально подходит на роль Шеперда Грималкина.

– Кто? Грималкин? – я зажегся. – Что за персонаж Грималкин? Не могли бы вы дать мне краткое описание сюжета. Общей фабулы будет достаточно.

– Для этого вам нужно поговорить с режиссером. Могу лишь сказать, что это смесь «Челюстей» и «Персоны»<sup>8</sup>. Подождите минутку. Хэл Роучпейст сейчас объяснит. – Мне послышалось, что Роучпейст не желает обсуждать данный вопрос, и я вроде бы уловил, как Инчейп использует фразу «агнец на заклятие». Затем заговорил новый голос.

– Хэл Роучпейст, – протрубил он. – Полагаю, Мюррей объяснил, что мы хотели бы снять вас в самой важной сцене фильма.

– Вы можете рассказать мне что-нибудь о Грималкине? Его предысторию, мотивы, для того чтобы я начал выстраивать его как героя. Само имя предполагает глубину души.

– Этого у него предостаточно, – согласился Роучпейст.

– Грималкин проницательный; философ, но с чувством юмора, за словом в карман не полезет, но при этом отлично орудует кулаками. Бесспорно, магнит для женщин, Красавчик Браммел<sup>9</sup>, который, благодаря своей медицинской этике и навыкам управления самолетом, снискал уважения у величайшего преступника, Профессора Дилдариана. А еще...

В этот момент телефон, по всей видимости, был вырван из рук Роучпейста, и оживленный Мюррей Инчейп снова заговорил.

– Что скажете, можем ли мы вписать вашу квартиру как место проживания главного героя?

– Главного героя? – сказал я с восторгом, не веря тому, насколько ошеломляюще развивались события. – Когда я могу получить свои реплики, чтобы начать их разучивать?

На другом конце провода повисла тишина, почти могильная, а затем:

– Роучпейст не работает по сценарию, – объяснил Инчейп. – Его фишка – спонтанность. Этот парниша, словно Феллини, черпает вдохновение в моменте.

– Импровизация для меня не в новинку, – пропищал я. – Когда я играл Полония в летней постановке, еноты утащили мой пластилиновый нос. Зачем им делать такое...

– Вот как вы запели, – перебил Инчейп, и я услышал, как на заднем фоне кто-то третий сказал: «Мюррей, твоя курица тандури здесь, сколько мне оставить курьера на чай?»

– Увидимся во вторник, пройдоха. Они привезли папа-дамы? – это было последним, что я услышал от продюсера, затем шелчок и гудки.

Будучи несостоявшимся актером в душе, я на неделю погрузился в просмотр фильмов Марлона Брандо и чтение книг Станиславского. Я печально размышлял о том, насколько другой могла бы быть моя жизнь, если бы много лет назад я не поступил в спешке в школу бальзамирования, а последовал зову сердца и пошел в Актерскую студию.

Не осознавая, как рано начинают работать съемочные группы, в предрассветный час в назначенный день я был вырван из объятий шести таблеток «Эмбиента»<sup>10</sup> таким стуком в дверь, будто они обнаружили тайное убежище Анны Франк. В панике, думая, что произошло землетрясение или биологическая атака, я выпрыгнул из кровати, поскользнулся, полетел вниз по лестнице и обнаружил, что улица была захвачена трейлерами и дорожными конусами.

«Пошли, дедуля, время идет», – сообщил мне безумного вида помощник режиссера, и в один миг дом оказался под господством мастеров, электриков, плотников и разнорабочих, которые расчехлили свой арсенал инструментов для разрушения. Шесть грузовиков с кино-

---

<sup>8</sup> «Персона» (1966) – драма И. Бергмана об онемевшей актрисе. – *Прим. науч. ред.*

<sup>9</sup> Красавчик Браммел – легендарный английский денди, коренным образом изменивший европейскую мужскую моду. – *Прим. науч. ред.*

<sup>10</sup> Эмбиент – седативный препарат для лечения бессонницы. – *Прим. науч. ред.*

оборудованием были стремительно разгружены бригадой угрюмых амбалов, которые с профессиональной точностью уничтожали, разбирали и уродовали любые предметы интерьера, стоящие больше трех долларов. По указу оператора, бородатого выходца из Восточной Европы по имени Финдиш Мензис, в стены из красного дерева были забиты гвозди и повешены осветительные приборы, которые затем были резко вырваны и привинчены к оригинальной потолочной лепнине комнаты. Постепенно выходя из ступора, я высказал свое возмущение Мюррею Инчейпу, который вошел, поедая булочку с творожным сыром, пока ямайский капучино капал с его стакана из «Старбакса» прямо в центр нашего обюссонского ковра.

– Вы сказали, ничто не будет повреждено, – прохрипел я, когда от ударов молотка рухнул кусок штукатурки, превращая лампу от «Тиффани» в груду разноцветных осколков.

– Поздоровайтесь с Хэлом Роучпейстом, режиссером, – сказал Инчейп, игнорируя мою жалобу, пока несколько кроманьонцев с осветительными стойками пробивали дыру в шелковых обоях начала века, сравнимую по размерам с той, что затопила Титаник.

– Я взял на себя смелость сочинить небольшую предысторию, – замурлыкал я. – Его прошлое, чтобы раскрыть Грималкина. Я начну с его детства в качестве сына странствующего продавца пасхальных булочек. Затем...

– Да, да. Аккуратно, тележка оператора, – сказал Роучпейст, когда ручка тележки опрокинула вазу.

– Ну и ну, – буркнул он извиняющимся тоном. – Скажите, эта вещица, только что испорченная до неузнаваемости, была времен империи Тан или Сун?

\* \* \*

К десяти утра, благодаря задорным приступам креативности Роучпейста и его явно невменяемого сценического дизайнера, превращение дома из таунхауса Верхнего Ист-Сайда в мавританский бордель было завершено. Наша собственная мебель была беспорядочно разбросана снаружи на тротуаре, несмотря на то что начался довольно сильный дождь. В моей гостиной актеры массовки, загримированные, словно гурии, соблазнительно развалились на подушках. Амброзия Вилбейс, насколько я понял, играла похищенную аристократку, вынужденную исполнять прихоти порочного султана, который оказался ее замаскированным диетологом и за которого она выходила замуж на борту космического шаттла. Почему наша жилплощадь была настолько важна для этого воплощенного кошмара, было откровением, доступным только такому гению, как Роучпейст. Для моей жены эта масштабная бойня была лишь малой ценой, необходимой для встречи с Брэдом Панчем, который шептал ей что-то на ухо, а она отвечала:

– Нет, они настоящие.

К трем часам дня моя сцена так и не началась, и, если не считать небольшой пожар в нашей библиотеке, созданный специалистами по спецэффектам, в котором огонь поглотил моего подписанного Грильпарцера<sup>11</sup> и картину Редона<sup>12</sup>, все, казалось, были в восторге от накопившегося отснятого материала. Когда я услышал, что компания планирует закончить съемки к шести, чтобы избежать оплаты любых возможных сверхурочных, я начал беспокоиться по поводу своей роли. Я выразил эти опасения помощнику режиссера, но он заверил, что моя роль слишком важна, чтобы ускользнуть из поля зрения; и действительно, без нескольких минут шесть меня вызвали из подвала, в который я был сослан Амброзией Вилбейс, когда та решила показать свой непростой характер и настаивала на том, что мой парик ее отвлекает.

---

<sup>11</sup> Грильпарцер, Франц – австрийский поэт и драматург XVIII века. – *Прим. науч. ред.*

<sup>12</sup> Редон, Одилон – французский живописец XVIII–XIX вв., один из основателей символизма. – *Прим. науч. ред.*

– Поскольку мы собираемся снимать, чтобы должным образом обозначить Грималкина, – сказал я помощнице режиссера, – есть несколько моментов, которые я хочу уточнить. После чего любая моя импровизация будет несравненной.

Я уже собирался перейти к конкретным деталям, когда несколько грубых холуев подняли меня за воротник рубашки и заднюю часть штанов, развернули параллельно земле и положили, визжащего, на пол лицом, в то время как женщина мазала мой правый висок багровой жидкостью. Затем небольшой карманный пистолет был положен к кончикам моих пальцев так, словно он только что выскользнул из моей хватки. Мне было велено после слова «мотор!» лежать неподвижно и молчать, что оказалось гораздо сложнее, чем я думал, учитывая внезапно начавшийся приступ сильной икоты. Поначалу я предположил, что мы снимаем в обратном порядке, начиная с обнаружения моего тела, а затем сюжет будет разворачиваться во флэшбеке, но на слове «снято» погасли прожекторы, открылась дверь, и съемочная группа бросилась наутек.

– Вы с домработницей можете начать приводить комнаты в порядок, – сказал Инчейп, нахлобучив свою твидовую кепку. – Вы производите впечатление перфекциониста, который любит, чтобы все было разложено по своим местам.

– Н-но мой персонаж – Грималкин – ось повествования... – сказал я в замешательстве.

– Так и есть, – вмешался Роучпейст, жестом указывая рабочим не тратить драгоценное время на то, чтобы занести нашу мебель обратно в дом. – Все потрясены, когда обнаруживают его тело. Зачем такому харизматичному эрудиту, как Шеперд Грималкин, сводить счеты с жизнью? Действительно, почему? Они проводят весь остаток фильма в поисках ответа.

Когда креативный нападающий и его режиссер исчезли, оставив меня по уши в разрушенных коллекционных предметах, я задумался, почему столь чувствительный человек может покончить с собой без видимой причины, и, нужно признать, одна из них все же пришла мне в голову.



## Коровье бешенство

*[выдержка]*

*В статье, опубликованной... Центром Контроля Заболеваний, [сообщается], что в Соединенных Штатах коровы убивают примерно 20 человек в год. <...> В 16 случаях, «считается, что животное намеренно нападало на жертву», говорится в отчете. <...> Все жертвы, кроме одной, умерли от травм, нанесенных в область груди или головы; последний мужчина умер после того, как корова сбила его с ног, и шприц, лежавший в кармане, уколол его антибиотиками, предназначенными для коровы. По меньшей мере в одном из случаев животное атаковало со спины.*

*The Times*

*[выдержка]*

Если мой рассказ о событиях, произошедших на прошлой неделе, покажется вам сумбурным, даже истерическим, простите меня. Обычно я довольно спокойная. По правде говоря, события, о которых я собираюсь рассказать, кажутся настолько пугающими именно потому, что произошли они в столь живописном месте. Действительно, ферма Пьюдников в Нью-Джерси может соперничать с картинами Констебла<sup>13</sup> если не по размерам, то уж точно по пасторальному спокойствию. Всего в двух часах езды от Бродвея, где последний мюзикл Сая Пьюдника «Вирус, пожирающий плоть» собирает полные залы, именно сюда, в окружение покатых холмов и зеленых заливных лугов, знаменитый лирик приезжает, чтобы расслабиться и подзарядить свое вдохновение. Заядлые фермеры выходного дня, Пьюдник и его жена Ванда, выращивают собственную кукурузу, морковь, помидоры и много других любительских культур, а их дети хозяйничают с дюжиной кур, парой лошадей, ягненком и вашей покорной слугой. Без преувеличения, для меня дни, проведенные здесь, словно время, проведенное в раю. Я могу пасть, размышлять и жевать свою жвачку в гармонии с природой, а увлажненные кремом «Килс» руки Ванды Пьюдник будут бережно доить меня по расписанию.

Одна вещь, которой я особенно наслаждалась, – это когда Пьюдники приглашали к себе гостей на выходные. Какое же наслаждение для интеллектуально недооцененного существа вроде меня быть в непосредственной близости от роскошной нью-йоркской элиты. Подслушивать рассказы актеров, журналистов, художников, музыкантов, которые обмениваются идеями и остроумными анекдотами. Они, возможно, слегка сложноваты для кур, и никто, кроме меня, так не оценит хорошую историю Анны Винтур<sup>14</sup> или свежесочиненную песню Стивена Сондхайма, особенно если ее исполняет сам Стивен. Именно поэтому, когда на прошлой неделе в список высокопоставленных гостей был включен сценарист-режиссер, работающий в кино, с длинным послужным списком, хоть я и не была знакома с его работами, я ожидала особенно блистательный День труда. Когда я узнала, что этот автор иногда снимается в главной роли в своих картинах, я вообразила себе режиссера-кинозвезду, такого же внушительного, как Орсон Уэллс, и такого же красивого, как Уоррен Битти<sup>15</sup> или Джон Кассаветис. Представьте себе мое удивление, когда я готовилась быть сраженной наповал таким тройным великолепием, но увидела не угрюмого культового гения или кинозвезду, а маленькое тощее нечто. Близорукого, с очками в черной оправе и отвратительно одетого в соответствии с его представлением о дере-

---

<sup>13</sup> Констебл, Джон – английский художник-романтик конца XVIII начала XIX века, известный своими деревенскими пейзажами. – Прим. науч. ред.

<sup>14</sup> Анна Винтур – британская журналистка, главный редактор журнала Vogue. – Прим. науч. ред.

<sup>15</sup> Уоррен Битти – американский актер, известный по ролям гангстеров Клайда Бэрроу и Дика Трейси. – Прим. науч. ред.

венском шике: все в твидовом и древесном стиле, в кепке и шарфе, готовый к встрече с лепреконами. Это существо с самого начала доказало, что оно будет тяжелым в общении. Нажаловался всем на запутанные указания маршрута, которые вынудили его шофера потратить часы на езду по кругу, на оплату пошлин и расход бензина, а также на непредвиденный эффект от воздействия спор местной плесени на его слабые аденоиды. И наконец, я услышала, как он требовал, чтобы под его матрас положили деревянную доску, потому что кровать слишком мягкая для его позвоночника, явно стремящегося к остеопорозу. Мистер Пьюдник вспомнил, что Дэвид Мэмет однажды упоминал, как сошел с самолета, когда узнал, что летит одним рейсом с этим индивидом. Я хотела бы добавить, что бесконечные придирки были сказаны голосом, похожим на гнусавый скулеж инструмента казу. Так же, как и его непрекращающиеся шутки, – поток смертоносных острот, созданных для того, чтобы расположить к себе, но вызывающих у всех в пределах слышимости тишину, как в колумбарии.



*Это существо с самого начала доказало, что оно будет тяжелым в общении.*

Ланч был накрыт на лужайке, и наш друг, осмелев благодаря небезызвестному мистеру Гленфиддику<sup>16</sup>, продолжал привлекать внимание рассуждениями на темы, о которых он не имел ни малейшего понятия. Неверно цитируя Ларошфуко, он перепутал Шуберта с Шуманом, а затем приписал Шекспиру фразу «Не хлебом единым жив человек», и даже я знала, что она происходит из Второзакония. Когда его поправили, он стал раздражительным и предложил хозяйке побороться на руках, чтобы доказать свою правоту. В середине ланча невыносимый зануда постучал по стакану, привлекая внимание, а затем попытался сдернуть скатерть со стола, не опрокинув фарфор. Не стоит говорить, что это оказалось настоящей катастрофой. В результате было навсегда испорчено по крайней мере одно платье от Дж. Мендель, и печеная картофелина оказалась в декольте одной изысканной брюнетки. После ланча я видела, как он жульничал в игре в крокет, двигая ногой свой мяч и считая себя незамеченным.

Когда накопление односолодового отразилось на его капиллярах, он заплетающимся языком начал бранить нью-йоркских критиков за то, что они не удостоили чести наградить его последний фильм «Луи Пастер встречает человека-волка». К этому моменту он уже начал заигрывать с милыми особами и, сжимая своей крысиной лапой руку какой-то актрисы, прошептал: «Маленькая проказница, я чувствую по этим высоким скулам, что в твоём теле течет кровь чероки». Воплощение такта, женщина каким-то образом удержалась от желания схватить его нос в кулак и поворачивать против часовой стрелки до тех пор, пока тот не начнет трещать.

Именно в этот момент я решила, что убью его. В конце концов, будет ли мир действительно скучать по этому глупому маленькому суппозиторию с его напыщенной самоуверенностью и тошнотворной миловидностью? Сперва я подумала о том, чтобы растоптать очкастого клопа, но поняла, что мне понадобится толпа еще как минимум из двухсот голов, чтобы хорошенько его задавить. Здесь не было скалистых утесов, где я могла бы слегка задеть бедром этого негодяя и отправить его лететь вниз. А потом меня осенило. Упоминалась прогулка на природе, и всем нам не терпелось принять в ней участие. Всем, кроме одного пресмыкающегося гомункула, который продолжал свой спектакль и ныл о перспективе оказаться в лесу в окружении клещей, переносящих болезнь Лайма, и рядом с ядовитыми дубами. Он предпочел остаться в своей комнате и сделать пару телефонных звонков, чтобы узнать о кассовых сборах

<sup>16</sup> Гленфиддик – бренд шотландского виски. – Прим. науч. ред.

своего нового фильма, который, по словам Variety<sup>17</sup>, будет иметь небольшой успех и должен быть показан в Атлантисе. Мой план состоял в том, чтобы войти в дом, подкрасться к нему со спины и задушить маленького болтливого прыща ремнем. Поскольку никого не было дома, полиция подумает, что это дело рук какого-то бродяги. Мне в голову пришла мысль подкинуть отпечаток пальца, принадлежащий Дропкину, – разнорабочему, который однажды дал Пьюдникам схему, на которой было изображено очертание тела, похожего на мое, и отмечено, из каких частей получают лучшие куски мяса.

В четыре часа дня я пошла на скотный двор и удостоверилась, что куры увидели меня там. Я медленно прошла мимо конюшни, позвякивая колокольчиком на шее, чтобы еще раз обозначить свое алиби. Оттуда я неспешно направилась к задней части дома. Двери были закрыты, и мне пришлось влезть через окно, устроив побоище на ближайшем столике, на котором стояла пара ламп от «Тиффани». Я прокралась вверх по лестнице, ступая копытами, как на пуантах. На грани разоблачения я была лишь, когда Посити, местная горничная, спустилась в коридор со стопкой свежих полотенец, но я быстро растворилась в тени, опираясь на стену коридора, и она прошла мимо. Я бесшумно проскользнула в комнату своей предполагаемой жертвы и стала ожидать его возвращения с кухни, где он рылся в холодильнике в поисках остатков еды. Будучи в одиночестве, он состряпал дорогой сэндвич с осетриной и белугой, зачерпнул рогаликом гору сливочного сыра и затем поднялся обратно наверх. Спрятавшись в шкафу возле его кровати, я была погружена в экзистенциальную тревогу. Если бы Раскольников был представителем крупного рогатого скота, Голштинской породы, скажем, или, возможно, Техасским лонгхорном, сложилась бы история иначе? Внезапно он вошел в комнату: в одной руке закуски, в другой марочный портвейн. Собрав всю доступную мне скрытность, я носом открыла дверь шкафа и беззвучно встала позади него, сжимая ремень, – не самая простая задача для существа без больших пальцев. Я медленно подняла ремень и приготовилась обвить его вокруг шеи этого пускающего слюни четырехглазого пигмея, выдавливая из него последние вдохи жизни.



*Если бы Раскольников был представителем крупного рогатого скота, голштинской породы, скажем, или, возможно, техасским лонгхорном, сложилась бы история иначе?*

Внезапно, по велению судьбы, мой хвост застрял в дверце шкафа, и я издала низкий протяжный звук, мычание, если хотите. Он резко обернулся, и наши глаза встретились: его, крошечные и бегающие, и мои – большие и коричневые. Увидев, что я стою на задних лапах и собираюсь его прикончить, он запищал, почти взяв ноту, которую дама Джоан Сазерленд берет в опере «Зигфрид» в записи лейбла Десса, иногда звучащей у Пьюдников. Этот звук насторожил толпу внизу, которая вернулась, когда начался дождь. Я запаниковала и бросилась к двери спальни, пытаюсь на ходу вытолкнуть эту приставучую маленькую заразу в окно, в спешке покидая комнату. В это время он извлек перцовый баллончик, который всегда носил с собой, что меня не удивило, учитывая количество врагов, которое он, должно быть, успел нажать. Он попытался брызнуть им мне в лицо, но, будучи тупым неудачником, держал баллончик обратной стороной и смог распылить его лишь на свою сморщенную физиономию. К этому времени все обитатели дома уже неслись вверх по лестнице. С лисьей проворностью я схватила абажур прикроватной лампы, нацепила его на голову и стояла неподвижно, пока

<sup>17</sup> Variety – американский еженедельник о событиях в мире шоу-бизнеса. – Прим. науч. ред.

остальные транспортировали этого вопящего гнойника из дверей во внедорожник и оттуда в ближайшую больницу.

Позже в амбаре рассказывали, что всю дорогу он бессвязно бормотал, и даже последующие две ночи в Белвью не смогли вернуть ему рассудок. Я знаю, что Пьюдники удалили его из своих мобильных и сожгли его номер телефона, облив бензином. Сейчас он стал не просто обузой для общества, но и буйным параноиком, бесконечно изрекающим что-то о попытке убийства герефордской коровой.



## Парк-авеню, верхний этаж, необходимо продать – или спрыгнуть

– Я получил все, что нужно, – сказал я, задыхаясь, когда любовь моей жизни вошла в дверь, обвешанная пакетами «Гермес», ее кредитные карты все еще светились от трения. – Как насчет того, чтобы взять такси и поехать в Бруклин, пойти в ресторан Питера Люгера и немного побаловать себя стейками из мраморной говядины? У меня весь день слюнки текут от мыслей об их сочной вырезке, не говоря уже о томатах, луке и хашбраунах<sup>18</sup>. Если на Вильямсбургском мосту будет пробка, мы сможем выйти и пробежать оставшуюся часть пути.

– Попридержи коней, – парировала навеки любимая, притормаживая меня. – Я отхватила пару крыльев ската в Scales and Entrails в центре города. Я решила, что сделаю из них пюре на ужин вместе со свежими каперсами, и мы сможем открыть ту бутылку вина «Эскимо», купленную на eBay. – Твердо решив этот вопрос, она принялась выдумывать деликатес, основанный на старинном семейном рецепте. Туда входил соус, который больше походил на слизь.

– Не стой, разинув рот, – рявкнула моя хозяйюшка, словно я был новобранцем на Пэррис-Айленде<sup>19</sup>. – Разворачивай улов, а я начну избавляться от запаха. Осознав, что толстый кусок филе вместе с костями будет превращен в невыносимо острую субстанцию, я начал распаковывать похожее на летучую мышь основное блюдо, которое лежало, обернутое страницами Daily News. Именно на этих страницах была история, привлекавшая мое внимание кое-чем большим, чем банальное любопытство.

Судя по всему, собственность Майка Тайсона продавалась, и владения чемпиона были не чем иным, как Ксанадугу<sup>20</sup>. Дом мог похвастаться восемнадцатью гостевыми комнатами. На тот случай, я предполагаю, если вдруг внезапно решат заскочить две бейсбольные команды. Там было тридцать восемь уборных, потому что Тайсон, по всей видимости, не любит стучать в дверь с криком: «Ты когда-нибудь уже выйдешь?» Семь кухонь, водопад, лодочный сарай, ночной клуб, огромный спортивный зал и большой театр. Первоначальная цена была двадцать пять миллионов наличными. И либо покупатель был талантливым гипнотизером, либо дому не хватало какой-то важной детали, например подземного бункера, потому что заказчика каким-то образом уговорили снизить цену с двадцати одного миллиона до скромных четырех.

Эта история вернула меня на пару лет назад, к моему собственному небольшому кошмару, связанному с недвижимостью, владение которым не достигло таких небесных высот. Хотя однажды мое давление поднялось настолько, что должна была включиться система пожаротушения.

Все вертелось вокруг нашей квартиры, которую, по решению моей жены, необходимо было выставить на продажу. Все потому что она нашла дом, свежий ремонт которого отлично гармонировал с ее вкусами испанского инквизитора. «Если мы избавимся от нашей шестикомнатной квартиры на Парк-авеню, то после небольших манипуляций можно совершить практически равноценный обмен», – размышляла моя детка, используя какие-то сложные математические расчеты.

– Мисс Мако и миссис Грейтвэйт<sup>21</sup>, агенты по недвижимости, говорят, что за нашу квартиру можно много выручить, – заливалась супруга. – За дом просят восемь миллионов. Если мы откажемся от еды, отменим нашу медицинскую страховку и обналичим вклады на обуче-

<sup>18</sup> Хашбраун – американское блюдо, оладьи из тертого картофеля. – *Прим. науч. ред.*

<sup>19</sup> Пэррис-Айленд – база морской пехоты США. – *Прим. науч. ред.*

<sup>20</sup> Ксанадугу – райское место, описанное в поэме С. Т. Кольриджа «Кубла Хан: или видение во сне» (1816). – *Прим. науч. ред.*

<sup>21</sup> Отсылка к породам акул – акула мако и большая белая акула. – *Прим. науч. ред.*

ние детей в колледже, нам, вполне возможно, хватит на первоначальный взнос. – Мои пальцы крепче сжали кочергу, когда глаза моей жены загорелись, словно у Махди<sup>22</sup>. Она была явно настроена переехать, и, словно Гитлер, потирающий руки над картами Польши, настаивала и уговаривала до тех пор, пока я не согласился предложить наше просторное гнездышко любому, у кого найдутся лишние десять миллионов золотых.



*Там было тридцать восемь уборных, потому что Тайсон, по всей видимости, не любит стучать в дверь с криком: «Ты когда-нибудь уже выйдешь?».*

– Помните, – предупредил я двух гарпий от мира недвижимости, – я даже и думать не собираюсь о покупке нового дома, пока мы не продадим старый.

– Конечно, Игнац, – сказала та, у которой спинной плавник был больше, и она подпиливала свой третий ряд зубов рашпилем фирмы «Стэнли».

– Меня зовут не Игнац, – огрызнулся я в ответ, пытаясь оборвать ее фамильярность. – Прошу прощения, – извинилась она. – Для меня вы выглядите как Игнац. – Она с усмешкой подмигнула своей товарке и добавила: – Мы выставим квартиру за четыре миллиона. Мы всегда можем сбросить цену.

– Четыре миллиона? – взвизгнул я. – Она стоит восемь и ни пенни меньше.

Мако посмотрела на меня оценивающим взглядом проницательного судмедэксперта.

– Оставьте этот небольшой трюк нам, – сказала она. – А вы просто продолжайте вертеть свой кубик Рубика и вскоре срубите достаточно капусты, чтобы перебраться в свое новое жилище, даже останется еще немного шекелей на установку нового водопровода.

Я не увидел никакого прироста, когда составлял бюджет, но стало ясно, что эта хитро расставленная ловушка может привести в итоге к продаже моей почки на черном рынке, чтобы расплатиться. Миссис Барракудник<sup>23</sup>, риелтор, которая занималась продажей, объяснила моей жене, что уже есть несколько покупателей, жаждущих в любой момент схватить старинный таунхаус, и было бы благоразумно указать первоначальную ставку. И предложила сумму, которая напоминала карманные расходы какого-нибудь принца из Саудовской Аравии. Я решил играть жестко, но когда прошли недели, а никто из потенциальных покупателей так и не пришел посмотреть на нашу квартиру, моя жена начала повышать себе дозу «Ксанакса»<sup>24</sup>.

– Нам лучше снизить запрашиваемую стоимость, – сказала она. – Мисс Мако говорит, что у нас было бы больше шансов продать квартиру, если бы на ней не висел такой безумный ценник.



*Эта хитро расставленная ловушка может привести в итоге к продаже моей почки на черном рынке...*

<sup>22</sup> Махди – в исламе: последний преемник пророка Мухаммеда, который явится перед концом света. – Прим. науч. ред.

<sup>23</sup> Отсылка к барракуде – хищной морской рыбе. – Прим. науч. ред.

<sup>24</sup> Ксанакс – препарат для лечения тревожных расстройств. – Прим. науч. ред.

– Я бы вряд ли назвал четыре миллиона безумием. Мы заплатили два десять лет назад, – объяснил я.

– Два миллиона за Тоуд-Холл? – сказала миссис Грейтвэйт, допивая остатки моего «Джим Бима». – Да вы, должно быть, накурились. – Наконец-то поняв, после стольких лет, что же все-таки двигало действиями Джека Потрошителя, я сбросил стоимость до трех миллионов и был воодушевлен тем фактом, что все же получил несколько запросов. Один от русской пары, которая подумал, что цена была триста долларов, и один от джентльмена, который работал в цирке братьев Ринглинг и, как мне многозначительно намекнули, никогда не пройдет комиссию. Тем временем миссис Барракудник сказала, что образовался внезапный всплеск интереса к таунхаусу, и одна знаменитость собиралась сделать предложение.

– Только что была сделана заявка на дом, который вы хотите. Джош Эйрхед<sup>25</sup>, актер, хочет его. Ходят слухи, он рассматривает концепцию женитьбы на Дженнифер Моупед. Если вы действительно серьезно настроены насчет этого покупки, – Барракудник садистски захихикала, – я бы перебила его ставку.

– Но мы еще не избавились от нашей квартиры, – я взвизгнул, как Мадам Баттерфляй.

– Возьмите быстрый займ, – сказала агент по недвижимости с улыбкой, знакомой Фаусту. – У меня есть связи в кредитной организации. Достаточные для того, чтобы вы получили деньги, пока не избавитесь от своей обузы.

– Обуза? Быстрый займ? Если бы мы только могли получить два с половиной за квартиру, – унижался я.

– Или хотя бы столько, сколько мы заплатили изначально, – сказала жена, останавливая себя от предложения пожертвовать квартиру городу в качестве родильного дома и получить налоговый вычет. С миссионерской жертвенностью мистер Вигориш<sup>26</sup> из кредитной компании «Разбойное нападение» вынул шприц из моей руки и протер артерию спиртовым тампоном.

– Прижмите, – сказал он, – чтобы не образовалась гематома. Я забрал не больше нескольких пинт – по счету.

– Девятнадцать процентов – не многовато ли? – пробормотал я. – Особенно с нынешней экономикой.

– Эй, кредиторы из Джерси берут двадцать пять, и они разобьют тебе коленные чашечки, если опоздаешь с бабками. Мы всего лишь забираем свои гарантии. – Довольный тем, что я провернул непростую сделку, и гордый своим категоричным отказом оставить одного из детей в качестве залога за наличные деньги, я подписал соглашение, пока Вигориш хищно смотрел на меня, как на барашка в твиде от Ральфа Лорена.

– Теперь у нас два дома, – проблеял я своей жене, выживая капсулу с цианидом, которую мне дал мой бухгалтер на случай, если дела примут именно такой оборот.

– Уверена, мы сможем избавиться от этой ловушки, – успокаивала меня мисс Мако. – Возможно, понадобится еще одно снижение цены, и, скорее всего, вам придется добавить мебель в цену дома. – Представляя банкротство, наши золотые годы, которые придется прожить в картонных коробках, я снова и снова снижал стоимость. Тем временем придиричьи вы нытики маршировали по нашему дому, оценивая каждую паркетную доску и плитус, прежде чем бесследно исчезнуть в различных версиях восьми миллионов историй обнаженного города<sup>27</sup>. И вот однажды, когда я интересовался в ломбарде, сколько можно выручить за мой кардиостимулятор, два наших плотоядных риелтора притащили одного элегантного субъекта лет пятидесяти. Нестор Фастбэк обладал предпринимательской энергичностью Майкла

---

<sup>25</sup> От англ. airhead – балбес, пустоголовый. – Прим. науч. ред.

<sup>26</sup> От англ. vigoish – проценты, комиссия. – Прим. науч. ред.

<sup>27</sup> Отсылка к сериалу «Обнаженный город» (The Naked City) 1958–1963 годов, во время съемок которого якобы было записано 8 миллионов реальных человеческих историй. – Прим. науч. ред.

Тодда<sup>28</sup> и европейской привлекательностью Сесара Ромеро<sup>29</sup>. Его заинтересованность в нашей квартире не вызывала сомнений, так как он несколько раз возвращался со своими архитекторами и дизайнером. Я мог слышать, как они совещаются, обсуждая демонтаж стен, установку ванных комнат, спортивного зала, винного погреба. Время от времени они поглядывали на меня, и однажды я услышал, как Фастбэк прошептал: «Невероятно, как живут некоторые люди. Какие объекты изучения для Маргарет Мид<sup>30</sup>. Естественно, прежде чем просить рабочих к чему-то притронуться, я заплачу за полную дезинфекцию». Поскольку платежеспособность – лучшая черта храбрости, я позволил этой фразе проскочить, а не уничтожил троицу свои ядовитым жалом. В конце концов, Фастбэк был богат, с безупречной репутацией и уважаемый. Проще говоря, идеальный жилец. Члены совета нашего кооператива, которые обычно отсеивают претендентов с состраданием доктора Менгеле, при всем желании не смогли бы найти недостатков у этого человека, и он, вполне возможно, даже мог быть членом общества «Череп и кости», как и наш новый президент совета жильцов мистер Л. Л. Бинбэг. Остальные члены совета, обычно суровые якобиты, уж точно разомлеют под очарованием Фастбэка. Миссис Вестнайл из квартиры 10А, Атилла Вайнериб, живущая в пентхаусе, Сэм Преследующая Лошадь, наш местный Коренной Американец – все они с удовольствием примут такого соседа, как Фастбэк, чей инвестиционный портфель был битком набит «Голубыми фишками» и чьи рукописные рекомендации включали в себя заметки от Билла Гейтса и Кофи Аннана. Могу предположить, что более проницательные личности, чем Мако и Грейтвайт, заметили бы рекомендацию, гласившую: «Нестор Фастбэк – свой парень, который не пьет, не играет в кости и не гуляет с распутными девками». Подписано, Рейнгольд Нибур<sup>31</sup>. Но, увы, мечты о больших комиссионных нарушили ясность их сознания. . . Интервью в квартире Харви Нектара, как мне объяснили, было уникальным. Началось все, по всей видимости, хорошо. Фастбэк понял, что не разрешалось держать животных, и поклялся не проводить шумных вечеринок, предпочитая жить по-монашески, из домашнего персонала только одна уборщица, Эдема. Герман Бореалис из квартиры 5D подшучивал над Фастбэком с напускной строгостью по поводу Йельского университета, поскольку Бореалис был сам из Гарварда, но по счастливой случайности оказалось, что они оба носили нижнее белье фирмы Zimmerli. Дела уже подходили к завершению на высокой ноте, когда из коридора донесся громкий шум.



***Платежеспособность – лучшая черта храбрости.***

«Открывайте, это ФБР!» – прогремел голос, когда таран снес дверь с петель. Фастбэк замер, когда отряд федеральных агентов ворвался внутрь. «Вот он! Взять его! – прокричал сотрудник в бронежилете. – И будьте осторожны, его разыскивают за вооруженное ограбление». Фастбэк перепрыгнул через пианино, врезался в Сэма Преследующего Лошадь, сместив прядь волос Арапахо<sup>32</sup>.

Правда это или нет, но говорят, что во время захвата раздались выстрелы и пара шальных пуль со свистом попала в портрет жены Харви Нектара в роли богини Геры. Только спу-

<sup>28</sup> Майкл Тодд – американский режиссер, наиболее известен по фильму «Вокруг света за 80 дней» (1956) – *Прим. науч. ред.*

<sup>29</sup> Сесар Ромеро – американский актер, был первым, кто сыграл роль Джокера в сериале 1960-х годов про Бэтмена. – *Прим. науч. ред.*

<sup>30</sup> Маргарет Мид – американский антрополог и этнопсихолог. – *Прим. науч. ред.*

<sup>31</sup> Рейнгольд Нибур – американский протестантский теолог и философ. – *Прим. науч. ред.*

<sup>32</sup> Арапахо – индейское племя из штатов Вайоминг и Оклахома. – *Прим. науч. ред.*

стя шесть месяцев я продал свою квартиру семье Квакеров за сумму, которая почти покрыла проценты по быстрому займу и спасла меня от желания сброситься с моста.



## Крылышки баффало, не хотите ли выйти вечерком?

Мало кто сможет вспомнить, кто такой Эрнест Хармон Хикс, но в двадцатые годы его еженедельная рубрика в «Трибуне» могла потягаться с великим Робертом Рипли<sup>33</sup> в сборе и иллюстрировании «шведского стола» странностей жизни. Как ни странно, ежедневное выступление Хикса могло порадовать читателя такими непременными курьезами, как, например, «Людовик XIV не принимал ванны до семидесяти лет». В то же время «Хотите верьте, хотите нет!» Рипли могли обогатить нашу картину мира такими ценными экземплярами, как «В Техасе выпал град, внутри которого оказался карп». Эти двое вечно соперничали в гонке за большими деньгами и популярностью, и, будь они живы сегодня, с ними могли бы посоревноваться только восхитительные причудливые статейки, которые периодически появляются в The Huffington Post. На один из таких фрагментов я наткнулся в своем телефоне, пока ждал, когда шеф-повар ресторана на Бродвее уберет все следы муки с моего мясного рулета перед подачей. Начинался текст с такого заголовка: «Группа, состоящая из кур, кудахтательно крутая». Затем шло описание музыкальной группы под названием «Звезды курятника», которые выклеивали мелодии на синтезаторе. Владелец фермы, где музицировали эти пернатые хипстеры, говорил репортеру о том, что хотел придумать для своего выводка какое-то занятие. «Люди, которые держат кур, особенно зимой, – объяснил он, – ищут, чем бы птиц развлечь и не дать им заскучать». Мысль о сарае, наполненном наседками, слоняющимися без дела и страдающими от тоски, затронула меня до глубины души. И в этот момент я вспомнил Харви Гроссвайнера, у которого есть история. Отойду в сторону, пусть он сам расскажет ее *ipsissima verba*<sup>34</sup>.



### *Непостоянство – суть жизни настоящего лицедея.*

Сегодня мне позвонил мой агент Тоби Мант из «Союза туняндцев», который с помощью комплиментов о моей гениальности пытался смягчить удар от того факта, что я не получил главную роль в фильме с Кейт Бланшетт под названием «Склеп в Парме»<sup>35</sup>. «И это никак не связано с твоей шепелявостью, – уверял меня Мант, – хотя, как твой представитель, я обиделся на сравнение с Котом Сильвестром<sup>36</sup>. Хорошие новости в том, что ты понравился британскому режиссеру Роялу Уоттлесу, и если он когда-то раздобудет необходимые средства на ремейк «Зверя с пятью пальцами», то он будет искренне заинтересован в твоих конечностях. Ладно, паренек, мне пора бежать. Должен быть у Дэйви Геффенса. Он переделывает свой шкаф и хочет знать, нужны ли мне картины Эль Греко, иначе он их выбросит. Чао». С этими словами он повесил трубку, оставив меня подсчитывать, сколько именно дней человек моего роста и веса сможет питаться сырными чипсами и водой из-под крана, прежде чем исчезнет с лица земли.

Непостоянство – суть жизни настоящего лицедея, и, хотя моя роль Вафли в «Дяде Ване» в прошлом месяце удостоилось приятного упоминания в журнале любителей сигар Aficionado, никто не ломился ко мне в дверь с предложениями. Конечно, еще десятки лет назад, когда я отдал предпочтение музам, а не тихой работенке в отцовском грузовике в службе по уничтоже-

<sup>33</sup> Роберт Рипли – американский художник комиксов, путешественник, автор цикла культовых журналов, теле- и радиопередач «Хотите верьте, хотите нет!» 1920–1940 годов. – *Прим. науч. ред.*

<sup>34</sup> *Ipsissima verba* (от лат.) – со слов, из первых уст. – *Прим. науч. ред.*

<sup>35</sup> Отсылка к роману Стендаля «Пармская обитель» (The Charterhouse of Parma) 1839 года. – *Прим. науч. ред.*

<sup>36</sup> Кот Сильвестр – персонаж мультфильмов Looney Tunes с дефектом речи. – *Прим. науч. ред.*

нию тараканов, я понял, что жизнь, зависящая от прослушиваний, скорее всего, иногда будет голодной. Именно поэтому, когда несколько недель спустя зазвонил телефон и я услышал, что голос агента Манта, обычно полный отчаяния, звучит с оптимизмом, мое сердце заколотилось.

– Наконец-то хорошие новости, – зашебетал он в трубку.

– Только не говори мне, что пришел ответ от Спилберга, – предположил я, скрестив пальцы.

– Нет, Стивен все еще собирается в свой годовой отпуск за границей, чтобы консультировать парламент Израиля, – сказал он.

– Тогда что? Тот вульгарный мюзикл Дермота Кратчли получил зеленый свет?

– Нет, нет, ничего подобного. По сути, позвонил какой-то торгаш в поисках разносторонне одаренного человека для конкретного проекта. Он хотел кого-то похожего на Хью Джекмана, только более красивого и привлекательного.

– Что это за проект? – спросил я. – Фильм? Театральная постановка? Мне бы не хотелось надолго застревать в телесериале. Разве что в том мини-проекте на НВО об Эйнштейне, который провел год с группой Бэйси.

– Я не совсем уверен, в чем заключается суть, – сказал Мант. – Вообще, у меня не было времени расспросить его о деталях с глазу на глаз. Помню только, что он упоминал что-то насчет куриц.

– Куриц? – просвистел я в ответ.

– Я не могу сейчас говорить. Я опаздываю на ланч с Мерил. Она заинтригована предложением сыграть Арафата. В любом случае сходи на встречу, паренек, и ты сразу все узнаешь.

Несмотря на небольшое напряжение в области левой лопатки, которое в прошлом сигнализировало о приближении нервного срыва, на следующее утро я обнаружил себя на пути к птицеферме, которая находилась в добрых трех часах езды от Родео-драйв. Владелец, Аль Капон, мелкий яичный барон, чье состояние росло и уменьшалось с каждым новым исследованием холестерина, протянул мне свою пухлую руку и выпустил дым от сигары в мою сторону.

– Значит, вы и есть Гроссвайнер, – сказал он, осматривая меня с ног до головы.

– С утра вроде был он, – ответил я добродушно в попытке растопить между нами лед и смягчить его кислую физиономию, но, судя по всему, мое замечание пролетело мимо, как баллистическая ракета «Скад».

– Это не вас я видел по телевизору, продающего терки для моркови? – спросил он, продолжая допрашивать меня, как декабриста в царской полиции.

– Моя жизнь – комедия и трагедия, – с энтузиазмом произнес я, чувствуя, как он играет в кошки-мышки и притворяется, что не знает о моих заслугах, чтобы поставить себя в более сильную переговорную позицию. – Будучи непревзойденным актером, я играл Шекспира и греческие трагедии, Пинтера, конечно же. Я – человек-оркестр. Поговаривают, что я могу хорошо петь, и хоть я и не Фред Астер, но могу исполнить веселую чечетку. Учился в актерской студии. И я провел кучу вечеринок на бар-мицву, когда нужно было оплачивать аренду квартиры. К тому же я могу исполнить моноспектакль по пьесам Ноэла Кауарда.

– Итак, курицы, – сказал он. – Вы ладите с курицами?

– Да, мой агент, Тоби Мант, упоминал что-то насчет них. Он был не совсем уверен по поводу контекста.

– Мне нужен тот, кто будет развлекать куриц, – сказал Капон.

– Ага, ага, – закивал я. – И под развлечением вы имеете в виду...

– Видите ли, обычный человек не понимает, что курицы довольно легко начинают скучать. Особенно в зимние месяцы.

– Я-я сам не знал этого факта, – сказал я, запинаясь.

– Им необходимо отвлекаться, иначе они не будут нести яйца, а яйца – причина, по которой я вожу «Ламборгини». В общем, мне нужен тот, кто будет их веселить. Чтобы эти несущки

продолжали чеканить драгоценные яйца. За все про все пятьсот сотен в неделю. Ты в деле, дубина?



***Я – человек-оркестр. Поговаривают, что я могу хорошо петь, и хоть я и не Фред Астер, но могу исполнить веселую чечетку.***

В классическом нуарном фильме «Аллея кошмаров» Стэнтон Карлайл в конечном счете настолько низко опускается, что становится цирковым фриком, который во время представлений поедает живых цыплят. Не хочу сказать, что мой случай был настолько же жутким, но я убедил себя, что это не так позорно, как моя первая работа в качестве закадрового голоса в кукольной постановке пьесы «Шестеро, которые проходят мимо, пока варится чечевица». На следующий день я собрал кое-какой реквизит и поехал к назначенному скотному двору. Там я оказался лицом к лицу с беспорядочной публикой, состоящей из измученных петухов и куриц, жаждущих, по всей видимости, развлечения. Виандоты, леггорны, род-айленды и джерсийские гиганты<sup>37</sup> бесцельно расхаживали взад-вперед, пытаясь справиться с экзистенциальной тоской. Не теряя времени зря, я начал с исполнения Put On A Happy Face из фильма «Пока, пташка»<sup>38</sup> и перешел к энергичному приплясыванию под мелодию At Georgia Camp Meeting. Когда это попури не смогло расшевелить пернатых, я переключил эмоциональный настрой на Sonny Boy – верный хит Джолсона<sup>39</sup>, способный довести до слез любого. Для большего эффекта я поглаживал у себя на коленях маленького петуха, который должен был символизировать обожаемого ребенка. К сожалению, птица оказалась нервной, хлопала крыльями, вопила и сумела испортить всю трогательность момента. Чувствуя вялость аудитории, я продемонстрировал несколько изысканных карточных трюков, а затем показал фокус с левитацией Говарда Терстона, ставший знаменитым после выступления в театре «Ипподром» в Балтиморе. Тем не менее ни то, ни другое, кажется, не смогло зажечь апатичное птичье жюри. Когда мне не удалось улучшить настрой после пародии на Петера Лорре<sup>40</sup>, исполняющего «Бармаглота» Льюиса Кэрролла, я расстроился и поймал себя на злобных шутках про мясорубку. Остроумная перебранка с моей говорящей на идише куклой-чрево вещателем Ицкорхом никак не исправила положение. И я даже думаю, что, когда голова куклы полностью повернулась вокруг своей оси, это напугало некоторых самых молоденьких цыплят. У меня на лбу уже выступили капельки пота, когда я в последний раз попытался заслужить признание у нескольких кур породы плимутрок исполнением Cherokee на терменвоксе, но это оказалось так же бесполезно. И затем, когда дело уже казалось безнадежным, я вспомнил статью о фантазере, который для мотивации учил куриц играть на музыкальных инструментах, и я подумал, может ли это сработать в моем случае. Возможно, теория музыки была за пределами моих преподавательских знаний, но искусство драмы было мне вполне доступно. Если домашних птиц можно научить мелодиям на клавишных инструментах, их точно получится заставить клевать по печатной машинке. На следующий день я принес свою портативную пишущую машинку и положил на клавиши горсть кукурузных зерен. Увлеченные птицы неистово заполняли листы бумаги с усердием репортеров, пытающихся уложиться в сроки. Сначала, конечно, там была полная абракадабра, но по прошествии нескольких дней они приноровились, и я заметил большее внимание к сюжету и

<sup>37</sup> Породы кур. – Прим. науч. ред.

<sup>38</sup> «Пока, пташка» (1963) – музыкальная комедия с Джанет Ли в главной роли. – Прим. науч. ред.

<sup>39</sup> Эл Джолсон – эстрадный певец и актер, известный в 1920-1930-х годах. – Прим. науч. ред.

<sup>40</sup> Петер Лорре – голливудский актер, известный в 1940-х годах своими ролями злодеев в фильмах ужасов и криминальных драмах. – Прим. науч. ред.

героям, и именно так родился «Курятник на Бродвее». Продолжение истории и сами знаете: сделка с «Уорнер Бразерс», четыре «Золотых глобуса» и моя, удостоившаяся «Оскара», роль Джаспера Уинса – бунтаря, который бросает работу нейрохирурга, чтобы стать специалистом по проверке яиц. Я недавно слышал, что те же самые пернатые авторы работают над сиквелом – мюзиклом в коллаборации с обитателями другого курятника, которые, по слухам, сочинили отличный саундтрек на клавишных. Если бы только Рипли был жив и увидел, как они клюют...



## Настоящее воплощение божества, пожалуйста, встаньте

Я полагаю, что боги в человеческом обличье время от времени вполне могли заглядывать на этот голубой шар, но сильно сомневаюсь, что хоть кто-то из них развезжал по Родео-драйв в «Форде Тандерберд» с размахом и внешностью Уоррена Битти. Читая «Звезду», его новую биографию, написанную Питером Бискингом<sup>41</sup>, не можешь не поразиться ошеломляющим достижениям актера. Подумайте только обо всех фильмах, кассовых сборах, рецензиях, «Оскарах», о бесчисленных номинациях, сыпавшихся, как из рога изобилия, на этого ненасытного чтеца и знатока тонкостей маркетинга. Он виртуозно играл на фортепиано, был подкован в вопросах политики, красив, как Адонис, обожаем самыми разными людьми, которые верили, что его место не только на экране, но и в Овальном кабинете. Более впечатляющими, чем послужной список из Голливуда, которому позавидовал бы Орсон Уэллс, были только легендарные любовные подвиги звезды. Здесь рассказывается о бесконечных романах с женщинами всех мастей и положений: от актрис до моделей, от девушек, работающих в гардеробе, до первых леди. Кажется, что бесконечные толпы красоток мечтали броситься в любовный омут с этим постельным виртуозом. «Сколько у него было женщин? – спрашивает автор. – Проще сосчитать количество звезд на небе... Битти говорил, что не может уснуть ночью, не занявшись сексом. Это было частью его рутины, как чистка зубов... С учетом периодов, когда он был с одной и той же женщиной, более или менее мы можем говорить примерно о 12 775 женщинах». Как человек, который молится о том, чтобы достичь хотя бы двузначных цифр, когда дело касается постельных дел (да и то эти завоевания невозможны без помощи гипноза), я не мог не подумать о подобных расчетах у одной девушки, неизбежно попавшей в Книгу рекордов Гиннесса. Но позволим ей говорить самой за себя.

Ну и утро. Мне пришлось принять два валиума, чтобы утихомирить монархов, бархатниц и мотыльков-павлиноглазок, которые использовали мой живот для отработки воздушных маневров. Мое первое настоящее задание в качестве репортера – и сразу такая фантастическая удача. Зачем самый харизматичный актер Голливуда, Болт Апрайт, который избегает всеобщего внимания, словно Говард Хьюз, станет давать интервью никому неизвестной девятнадцатилетней блондинке с волосами до плеч, длинными загорелыми ногами, скулами времен династии Минг, отличными формами и неправильным прикусом, который сеет хаос в толпах носителей Y-хромосомы? Если этот Казанова Солнечного пояса<sup>42</sup> собирается ухлестывать за мной, как за бесчисленным количеством оприходованных им несчастных краснеющих девиц, сраженных известностью, ему придется еще раз хорошенько подумать. Серьезная журналистика – моя жизненная цель, и, честно говоря, я бы предпочла встретиться один на один с Джо Байденом или Далай-ламой, но только эти напыщенные рожи не ответили на мои письма. В то время как Болт, случайно заметивший меня в выпуске журнала Playboy в прошлом месяце в обнаженной съемке самых красивых студенток факультета журналистики Колумбийского университета, не только ответил, но и полил духами свое письмо. Чтобы быть уверенной в том, что его либидо промышленных масштабов не натолкнет его на неправильные мысли, я оделась с осторожной консервативностью: не способная спровоцировать микробию, черные чулки в сеточку и обтягивающая, но элегантная, прозрачная блузка.

Нанося на свои губы, довольно полные и чувственные, осторожный намек на темно-рубиновую помаду, я чувствовала себя достаточно серой мышкой, чтобы отсечь любые поползно-

---

<sup>41</sup> Питер Бискинд – американский культурный критик, историк кино. – *Прим. науч. ред.*

<sup>42</sup> Солнечный пояс – южная часть США, включающая в себя несколько штатов. – *Прим. науч. ред.*

вения, которые Мистер Тестостерон мог бы предпринять в мою сторону. Вся эта суэта вызвала некоторые опасения у моего жениха, но Хэмиш знает, что здесь не о чем волноваться. Несмотря на то что ни один мужчина, даже такой грызун, как он, не способен соревноваться с величайшим жеребцом Фабрики грез.



*Чтобы быть уверенной в том, что его либидо промышленных масштабов не натолкнет его на неправильные мысли, я оделась с осторожной консервативностью.*

Я подъехала к дому Болта в Бель-Эйр, довольно скромному по местным меркам, построенному по проекту Парфенона, с несколькими архитектурными завитушками, заимствованными из Нотр-Дама и Сиднейского оперного театра. Болт, не только актер, но и писатель, режиссер и продюсер, только что с триумфом выпустил свой новый фильм, «Реквием по Шнорреру». У него есть полная творческая свобода, и его окрестили кинематографическим гением как *Variety*, так и «Журнал Птицевода». Один голливудский магнат сказал: «Если этот парень захочет сжечь студию, я дам ему спички». Как ни странно, когда он попытался это сделать, они вызвали охрану.

Паркуясь, я заметила несколько юных старлеток, выходящих из парадной двери: они хихикали, их лица светились от удовлетворения. «Я все еще дрожу, – сказала брюнетка. – Он страстно занимался со мной любовью, в то же время аккомпанируя себе на пианино».

– Все, что я знаю, – это то, что я пришла рано, – сказала рыжеволосая девушка. – Мне выдали номер, и я ждала своей очереди. А когда меня вызвали, мы занимались сексом снова, и снова, и снова. Следующее, что я помню, – это как очнулась в комнате отдыха и медсестра напоила меня чаем.

Я позвонила в звонок, и изящный китайский слуга в белом пиджаке по имени Хок Той впустил меня внутрь. Мебель в доме была сделана из мужественных темных пород дерева, на стенах логова – фотографии обожаемых женщин с автографами. Актрисы и модели висели на уровне глаз, сверху – дамы из Конгресса, телеведущие и портрет Голды Меир на ковре из медвежьей шкуры. Нижний ряд зарезервирован для стоматологов, стюардесс и группы женщин из лепрозория с влажными благодарными глазами. Там также были и безделушки, например, пара золотых наручников на кофейном столике – сувенир от Маргарет Тэтчер. Я выяснила, что самой большой гордостью в коллекции звезды были часы «Ролекс» с гравировкой, подаренные матерью Терезой на День святого Валентина.

Осматриваясь, я внезапно почувствовала, как пылающий взгляд изучает мою анатомию, и, повернувшись, увидела, как самый кассовый актер Америки оценивает мои округлые формы.

– Отличные буфера, – сказал он, его взгляд плавно перешел на мои ноги. – Видно, что ты тренируешься. Могу я заинтересовать тебя небольшим аперитивом? Смочить кубики пресса? – Он был великолепен. Легко понять, почему его гример и парикмахер стали лауреатами премии имени Ирвинга Тальберга<sup>43</sup>. – Вибрации, которые я улавливаю от этого оттенка «Ревлон» и тонкого намека на «Анаис» на тебе, говорят мне о том, что из напитков ты выберешь водку-мартини с долькой лимона. Скажи, если я угадал, – попросил он.

---

<sup>43</sup> Премия Ирвинга Тальберга – награда американской киноакадемии за выдающийся продюсерский вклад в развитие кинопроизводства. – *Прим. науч. ред.*

– Но как вы узнали, что я схожу с ума именно от этого сочетания? – спросила я, когда примитивное чувство возбуждения зародилось в основании моего мозга.

– Будем считать это интуицией, – ответил он. – Будем считать, что я могу чувствовать самые глубинные женские желания. Поэтому знаю, что твое любимое стихотворение – это *Recuerdo*, любимый художник – Караваджо, а любимая песня – *Goofus*.

– В *Variety* писали правду, – сказала я. – Вы действительно похожи на молодого Алена Делона.

– Только потому, что я недавно оправился от желудочного гриппа, – сказал он, вручая мне мою водку.

– На самом деле я моделировал свою внешность по образцу «Давида» Микеланджело.



*Все изменилось в день, когда меня осенило, что я могу нанять того, кто будет обниматься вместо меня.*

Когда кто-то позвонил, я смогла уловить достаточно из разговора, чтобы понять, что это был один из политических дружков Болта. Звезда, чья проницательность и дальновидность не ограничивалась только созданием пластмассовых шедевров; он также был известен как искусный кукловод, стоящий за спинами некоторых высокопоставленных государственных служащих. Сейчас некоторые ключевые фигуры демократической партии, проверяющие женщину на позицию в Министерстве юстиции, позвонили, чтобы уточнить у Болта, говорит ли она правду насчет расположения своей точки G.

– Мне понравилось ваше исполнение роли Макбета в кино, – сказала я, когда он повесил трубку. – Вы уладили вопросы с Гильдией по поводу участия в написании сценария?

– Терстон Лэмпхед, мой адвокат, работал над этим со всякими придиричивыми микробами из Стратфорда-на-Эйвоне, – ответил он. – В конце концов договорились на соавторство. – Осушая второй бокал, я достала свой блокнот и ручку и поправила пояс для подвязок, надеясь, что он этого не заметит.

– Перейду сразу к делу, – сказала я. – Как вам удастся быть настолько продуктивным в творческом плане и при этом находить время на то, чтобы оказаться в постели с таким количеством женщин?

– Поначалу было сложно, – признался он. – Это был не столько сам секс, нарушавший мое расписание. Скорее все, что после, – посткоитальная сигарета и разговоры в постели. Все изменилось в день, когда меня осенило, что я могу нанять того, кто будет обниматься вместо меня. Отсутствие необходимости слушать всю эту сентиментальную чушь про дрожь земли, освободило время для работы над сценариями и развития новых прорывных идей.

В этот момент вошел Хок Той и объявил, что прибыл автобус из Сиэтла с группой молодых домохозяек из пригорода, победительниц конкурса, по всей видимости. «Проводи их наверх, – сказал ему Болт. – Скажи им снять всю свою одежду и вручи каждой одноразовый больничный халат. Скажи им, чтобы завязали его спереди. Я скоро поднимусь».

– И чем обусловлено ваше непомерное сексуальное влечение? – спросила я. – Я имею в виду, больше двенадцати тысяч женщин. Иногда по несколько в день.

– По сути, я делаю это для того, чтобы предотвратить кариес, – сказал он мне. – Это как воспользоваться зубной нитью. Много лет назад я заметил, что если ложусь спать, не занявшись сексом, начинаю замечать некоторое разрушение по краю десен.

– Должно быть, вы невероятный постельных дел мастер, – продолжала я, пытаюсь хотя бы на наносекунду представить, каково было бы заняться любовью с комбинацией Хитклиффа и Секретариата<sup>44</sup>.

– Узнай сама, – сказал он, беря меня в свои руки, подав сигнал войти ансамблю мариачи<sup>45</sup>.

– У меня есть жених, – запротестовала я.

– Да, но может ли твой жених так? – сказал он, исполнив идеальное сальто назад, приземляясь на ноги с ухмылкой.

– По правде говоря, у нас с Хэмишем есть договоренность, – прошептала я. – Я могу спать, с кем пожелаю, а он взамен может держать пульт от телевизора.

В следующий момент он прижался своими губами к моим, и трусы с меня были удалены моментально. После этого все было как в тумане. Могу вспомнить, что кто-то – Болт или его ассистент – покусывали меня за ухо. Позже я узнала, что, в придачу к помощнику для объятий, актер использовал мальчика на разогреве, чтобы ему не приходилось растрчивать драгоценные минуты на прелюдию. Я помню, как была заключена в объятия Болта, пока он опустошал меня, и в первый раз в жизни во время секса я действительно видела фейерверки. Хэмиш звонил мне на телефон, пока я занималась любовью. Я солгала и сказала, что работаю, но когда он спросил: «Я слышу фейерверки, ты что, в Чайна-тауне?» – каким-то образом я поняла, что он догадался. После нашего занятия любовью Болт сказал мне, каким особенным для него был этот опыт и что из всех женщин я была единственной, которая ему не безразлична. Затем меня вежливо попросили сесть в кресло у открытого окна, пока он нажимал что-то под названием «Кнопка от кресла-катапульты». Я довольно быстро покинула помещение, но перед этим в качестве сувенира мне вручили стеклянный шарик, на который кто-то нанес достаточно романтическую гравировку с цифрой 12,989.

---

<sup>44</sup> Возможно, имеется в виду конь Секретариат, американский породистый чемпион скачек и рекордсмен по скорости в гонках Тройной Короны. – *Прим. науч. ред.*

<sup>45</sup> Мариачи – жанр традиционной народной мексиканской музыки. – *Прим. науч. ред.*



## Нос к носу с Рембрандтом

*[цитата]*  
**ДЖАСТИН АРТИСТИЧНЫЙ КОНЬ ПРИВЛЕКАЕТ  
МЕЖДУНАРОДНОЕ ВНИМАНИЕ**

*Согласно BDRB, владеющее кистью животное использует свой большой, лошадиных размеров рот для создания абстрактных и импрессионистских картин, которые продаются по цене от \$2,500.*

*Huffington Post*

*[цитата]*

Все началось после персонального шоу Пануфника в районе мясокомбинатов в прошлом году. Но сначала позвольте мне представиться. Я – Урбан Спрол, владелец Галереи Спрола. Моя специальность – рисковать и сканировать пространство в поисках новых гениев. И хотя никто из художников, которых я поддерживал в прошлом году, пока так и не проявил себя в качестве нового Поллока или Ротко нынешнего поколения, я смог с помощью комбинации продуманных голодовок и посещения прачечной удержаться на плаву. Как оказалось, рецензии на работы Ирвинга Пануфника, художника, обладающего, на мой взгляд, безупречным видением, добавили к нашей репутации намного меньше, чем я ожидал. И с первого дня стало понятно, что продажи падают на глазах. Хотелось думать, что среди многочисленных критиков и знатоков культуры, освещавших выставку, хотя бы у одного найдется термин помимо слова «шлак». Однако больше всего меня задело предложение одного из этих писак, который заявил, что работы Пануфника будут более привлекательны, если повесить их лицом к стене. Конечно же, я заверил художника в том, что моя вера в его талант непоколебима и галерея поддержит его. Хотя реалии рынка диктовали нам, что нужно срезать его полотна и продать их деревянные рамы. Потрясенный этим последним покушением на мое эстетическое суждение, а также столкнувшись с необходимостью отбиваться от варварского нашествия кредиторов, я решил, что день-два вдали от напряжения и лицемерия мира искусства помогут восстановить мою уверенность и снизят желание узнать, на что похожи ощущения от прикосновения к железнодорожным проводам.

Так и было решено: в субботу я отправился на машине в гостиницу в Пенсильвании, которая обещала спокойствие, хорошую еду и, возможно, даже приятное наблюдение за птицами. И хотя путешествие начиналось под ясным небом, через некоторое время я взглянул вверх и заметил сгущающиеся грозные облака, а затем начался мелкий дождь, который вынудил меня остановиться у фермерского дома и спросить дорогу. Мой GPS, точный, как спекулянт на ипподроме, сбил меня с курса, и вместо того, чтобы ехать в направлении округа Бакс, я приближался к Ниагарскому водопаду.

Фермер, чудака по имени МакФетиш, был очень дружелюбным и пригласил меня на чашку какой-то горячей мути. Деревенский – думаю, такое определение больше всего подходило его домику. И все же, несмотря на очаг, оловянную посуду и рукодельные вышивки, я не мог не заметить поразительных картин, бессистемно разбросанных по углам. Там были пейзажи с угрюмыми аллеями, убегающие с холста, и натюрморт с яблоками размером с пушечное ядро в вазе для фруктов. Изображенные акробаты и танцоры балета были полны энергии, я ахнул от самобытности резвящихся нимф и сатиров, и все это выполнено виртуозными мазками кисти колориста, ничуть не уступающего Мירו. Ошеломленный, я спросил, кто этот художник, поскольку уже много лет не видел столь впечатляющих работ. МакФетиш сказал: «О, это работы Уолдо».

– Уолдо? Какой Уолдо? – спросил я. – Как его фамилия?

– Нет у него фамилии, – хихикнул он и, поднявшись из своего кресла-качалки, отвел меня к сараю, где стояла старая кривая ломовая лошадь, которая жевала сено. – А вот и маэстро, – прохрипел МакФетиш, указывая на животное.

– В смысле? – спросил я. – Вы хотите сказать, что он нарисовал картины?

– Не могу заставить его работать. Проводит все свое чертовое время, ковыряясь в красках.

Когда я отказался поверить в то, что лошадь нарисовала эти картины, особенно портрет Дианы Врилэнд, МакФетиш положил на землю чистый холст, дал Уолдо кисть, которую зверь зажал в зубах, и, заржав, начал рисовать одно из самых пронзительных изображений распятия Христа, что мне доводилось видеть.

МакФетиш, деревенщина удивительной простоты, был совершенно не осведомлен о том, чем владел, и был лишь безумно рад сгрузить Уолдо и всю коллекцию его картин за ничтожные шесть сотен волшебных бобов, и это с учетом лучших работ, написанных лошадю в ее «голубой» период.

Мчась обратно в Нью-Йорк в состоянии эйфории, я планировал взять Уолдо и подготовить его к персональной выставке. Единственная неприятность заключалась в том, что художник на четырех ногах и с хвостом мог снизить ценность всего феномена до простой новости, значительно уменьшив рыночную стоимость. В неистовстве я поспешно придумал фальшивое имя гения, которого окрестил Фра Липпо Фенстербло, и размашисто подписал каждое полотно. Теперь все, что мне нужно было сделать, – это открыть двери галереи, отступить назад и продавать товар. Что ж, это был успех! По всей Грейт-Джонс-стрит стоял гул, и кто заглянул в Галерею Спрола? Всего лишь глава голливудской студии Харви Нагила. Нагила был квадриллионером благодаря своему оscarоносному фильму «Голые студентки-зомби с Плутона». Он недавно приобрел старое поместье Джека Уорнера в Холмби-Хиллз и переделывал его, превращая бывшие помещения для рабов в теннисный корт, а также декорируя особняк в смеси стилей Людовика XVI и кроманьонцев. В попытке обозначить свою принадлежность к высшему классу, Нагила хотел начать коллекционировать предметы искусства и купил шесть картин Фра Липпо, сделав художника самым горячим трендом среди знатоков Голливуда. Каждый коллекционер от Малибу до Беверли-Хиллз приобрел полотно, и это вызвало у всех бурное желание познакомиться с гением, посетить его студию, возможно, даже заказать портрет. Не говоря уже о семизначной сумме, предложенной за то, чтобы художник приехал в Голливуд и был консультантом у одной известной звезды, собиравшейся играть Тинторетто<sup>46</sup> в предстоящем фильме «Тинторетто встречает Человека-Волка»<sup>47</sup>. Поначалу я прикрывался тем, что говорил, будто Фенстербло – эксцентричный одиночка, но шло время, ни одно из моих оправданий не могло быть проверено, и начали распространяться слухи о том, что, возможно, все не настолько кошерно, как кажется. Когда Роуз Банши, одна из этих вечно все вынюхивающих сплетниц из голливудских таблоидов, разнесла новость о том, что в Нью-Йорке кто-то видел ресторанный счет художника и что непомерная сумма была потрачена на сено, я запаниковал. Я позвонил моему адвокату, Нолану Контендере<sup>48</sup>; он заверил меня, что в случае дела о мошенничестве финансовая ответственность может быть достаточно суровой, но тюремный срок не превысит пяти лет. К моменту, когда я уже приступил к поеданию горстей «Ксанакса» для кулинарного разнообразия, меня осенило: Моррис Престопник, мой знакомый безработный актер, который сейчас промышлял тем, что дергал пивные краны в баре «Регургитос» в Квинсе, может стать моей волшебной пилюлей. Карьера Престопника столкнулась с препятствиями, когда критики сравнили его Гамлета с Элмером Фаддом<sup>49</sup>, отправив актера за утеше-

---

<sup>46</sup> Тинторетто – живописец венецианской школы позднего Возрождения. – *Прим. науч. ред.*

<sup>47</sup> Ироничная отсылка к фильму ужасов «Франкенштейн встречает Человека-волка» (1943). – *Прим. науч. ред.*

<sup>48</sup> От лат. *nolo contendere* – без признания вины. – *Прим. науч. ред.*

<sup>49</sup> Элмер Фадд – персонаж мультфильмов Looney Tunes, соперник кролика Багза Банни. – *Прим. науч. ред.*

нием к небезызвестному мистеру «Джеку Дэниелсу». Поначалу он ответил, что выдавать себя за художника – ниже его достоинства, но когда узнал, что ему придется играть свою роль перед колонией тяжеловесов киноиндустрии, он увидел в этом карьерный рост, который приведет к контракту на три фильма, дому с бассейном и услугами парковщика.

Я вкратце изложил ему основную суть дела и свой план, и два дня спустя Престопник, разработавший богатую предысторию для личности вымышленного Фра, сидел возле меня в Боинге-747 на пути в Голливуд на вечеринку в его честь в райских владениях Нагила в Холмби-Хиллз.



*Положил на землю чистый холст, дал Уолдо кисть, которую зверь зажал в зубах, и, заржав, начал рисовать одно из самых пронзительных изображений распятия Христа, что мне доводилось видеть.*

Все начиналось довольно неплохо, хотя я вполне мог бы прожить и без выбранного актером берета и искусственной бороды в стиле ван Дейка, чтобы четко обозначить персонажа как дилетанта.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.